

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА» 16 мая 1995 года, 8-я стр.

СВЕТ И ТЕНЬ

Почему не рисует глаза художник Сергей Поляков

В назначенное мне время пришел домой к Илье Глазунову художник Сергей Поляков и был принят с радостью. Как же иначе, ученик, шесть лет занимался в мастерской портрета, которую основал Илья Сергеевич. Тотчас начались воспоминания о делах давно минувших дней, походах в Кремль, на Куликово поле, в древние русские города, куда профессор водил студентов, чтобы привязать к корням национальной культуры. Вспомнили о занятиях в Эрмитаже, поездке в Италию, родину искусства Возрождения, куда мастер на свои средства повез учеников. И это была форма учебы, одно из слагаемых школы Глазунова.

Принес бывший студент пригласительный билет на персональную выставку в Центральном Доме художника. Дела идут хорошо, картины Полякова покупают. Так что можно теперь за свой счет издать красочный проспект, по сути альбом с цветными репродукциями многих картин и статьями искусствоведов. Я был поражен, что увиденные мною работы ничего общего не имели с реализмом, исповедуемым Ильей Глазуновым. Представляют Сергея Полякова в этом проспекте «внесужетным экспрессионистом», который «растворяет форму в колористическом водовороте и дарит зрителю мир взрывной энергии, почти языческой раскрепощенности сознания...» Мне же показалось, что какие-то обнаженные тела свободно парят в эротическом пространстве...

Естественно, у меня тотчас возникли вопросы, поскольку я пишу книгу об Илье Сергеевиче, к его бывшему студенту, так непохожему на учителя.

- Не помешала ли раскрытию вашей индивидуальности школа Глазунова?

- Некоторые искусствоведы полагают, - ответил на мой вопрос художник, - что я с трудом преодолеваю наследие классической школы. Я получил в мастерской Ильи Сергеевича запас знаний, который позволил мне взглянуть на мир

своими глазами. Знание перешло в ощущение. Школа дала мне свободу, которая предстает сегодня на моих картинах. Школа дала мне стилобат!

- Что значит стилобат, не могли бы раскрыть это понятие?

- Под стилобатом я понимаю основу, фундамент, полученное мною умение рисовать, видеть цвет, владеть композицией. Годы учебы в институте дали мне жизненный и профессиональный заряд для творчества.

И еще добавил Сергей Поляков:

- Я счастлив, что получил такую школу. Мастерская портрета была неким монастырем, подлинным братством, какого не было в институте имени Сурикова, где каждый был предоставлен сам себе. В нашей мастерской царил дух веселой работы, взаимопомощи, нами владело осознанное желание постичь стиль старых мастеров, одержимость творчества...

Эти слова я записал на диктофон. На столе появились чайные чашки, рюмки. Мы выпили за успех предстоящей выставки. Все было хорошо... И вдруг, взяв в руки проспект с дарственной надписью на титульном листе, профессор прочел о себе во вступительной статье такие вот слова:

«Наследие школы Глазунова с ее демонстративным тяготением к поверхностным обобщениям, псевдофилософским, псевдонациональным, по существу аморальным, Полякову приходилось преодолевать с внутренним напряжением...».

И я прочел эти слова, принесенные в дом желанным гостем, которые обожгли меня, как укус змеи. А потрясенный Глазунов замолчал, утратил свой дар быстрой, напористой речи...

Каждый такой проспект обошелся художнику в двенадцать долларов. Он его, а не государство, издал сам! Значит, он заказывал музыку, статьи искусствоведов, никто его, как прежде, не заставлял

кривить душой, отречься от школы, от учителя, от «счастья», полученного в мастерской Ильи Сергеевича. Поразительное двоедушие! На титульном листе в единственном экземпляре писать благодарственные слова, и в этом же проспекте, продаваемом на выставке, размножать другие, мною процитированные.

Почему Сергей Поляков позволил «некоторому искусствоведу» еще раз свести счеты с Глазуновым, попытаться изничтожить его? Да потому что вслед за этим унижением учителя следуют слова, возмущающие «свободного экспрессиониста», отряхнувшегося, как прах со своих ног, дряхлую школу...

И на выставке в Центральном Доме художника, зале, где экспонировались картины Сергея Полякова, я прочел выдержки из вступительной статьи к проспекту. И здесь ни слова не говорилось о том, у кого талантливый художник прошел школу, о которой я услышал от него столько хороших слов.

... У кого Сергей Поляков учился, в дни выставки публика узнала из газетного отчета, содержавшего в своем заголовке еще один упрек профессору: «Ученик Глазунова не любит рисовать глаза».

Действительно, это так. Глаз на картинах я не заметил, как, впрочем, и лиц. Свобода! На вопрос, почему на всех картинах глаза у героев закрыты, Сергей Поляков ответил, что после изобретения фотографии, в эпоху телевидения и кино искусство освободилось от необходимости копировать, живописи осталось истинное - цвет и форма.

Но освободилась ли в наш век живопись и художники от совести? Не потому ли Поляков не рисует названную деталь лица, что при этом нужно смотреть людям в глаза? А как в них смотреть, если говоришь одно, а даешь писать другое: в глаза благодаришь, а за спиной не решаешься сознаться даже в том, что шесть лет состоял в творческом союзе?

Лев КОЛОДНЫЙ.